

Вся семья собралась в главном зале, где слуги уже накрыли на стол. За обедом царило молчание — старинная привычка не вести праздных разговоров за едой сегодня пришлась как нельзя кстати. Едва притронувшись к кушаньям, один за другим они отложили палочки: все мысли были лишь о юноше, что лежал без чувств на ложе в соседних покоях.

После обеда они вернулись к постели больного. Глядя на Ань Цзыяня, своего любимого сына, Ань Шаоцинъ ощутил, как болезненно сжалось сердце. Он и подумать не мог, что за время его недолгого отсутствия недуг настолько одолеет мальчика. Жизнь Цзыяня висела на волоске; еще немного — и отец не успел бы даже проститься с ним. Но небо явило милость, даровав юноше шанс на спасение.

Фэн Бэйцэ подробно описал события четырехдневной давности. Напряженно выслушав его, принц-регент твердо решил лично встретиться с таинственным старцем.

Башня Осеннего Леса

В покоях Башни Осеннего Леса старец, спасший жизнь молодому наследнику, сидел на ложе в позе созерцания. Неподалеку на невысоком стуле устроился юноша, увлеченно листая тяжелый медицинский трактат. Спустя какое-то время он медленно приоткрыл глаза.

— Хуайшэн, приготовь чай, — негромко промолвил он, спускаясь с ложа. — К нам идут гости.

Старик неторопливо перешел в гостевую половину и опустился в бамбуковое кресло.

Юноша прекрасно знал, что его наставник обладает даром предвидения, а потому не стал задавать лишних вопросов и сразу принялся за дело.

— Учитель, дозвоьте спросить, — заговорил Хуайшэн. Он насыпал сухие листья в чайник, ошпарил их кипятком и слил первую воду. Наставник хранил молчание, поэтому юноша продолжил: — Не понимаю, почему мы прибыли в столицу только сейчас? Ведь императорский указ о поиске врачей висит на городских воротах уже очень давно.

Он вновь залил чайник бурлящим кипятком, и по комнате мгновенно поплыл тонкий чайный аромат.

— Всеу свое время, — загадочно усмехнулся старец, поднимаясь на ноги. — Позже ты сам все поймешь.

Он направился к выходу, и стоило ему подойти к дверям, как на пороге показались Ань Шаоцинъ и Фэн Бэйцэ.

— Уважаемый лекарь, вы куда-то собираетесь? — мягко спросил Фэн Бэйцэ, заметив, что старик выходит навстречу.

— Вовсе нет. Старик лишь вышел поприветствовать дорогих гостей, — отозвался тот и, переведя взгляд на Ань Шаоцинь, сложил ладони: — Надо полагать, предо мной сам принц-регент? Сразу видно выдающегося мужа.

— Вы слишком добры, почтенный, — сдержанно улыбнулся Ань Шаоцинь. — Ныне я лишь праздный ван, не стоит величать меня столь громкими словами.

Принц-регент, конечно, скромничал. Однако доля правды в его словах была: после кончины прежнего императора у него действительно прибавилось свободного времени. Порой они с Фэн Бэйцэ засиживались в супружеской спальне до глубокой ночи, и на следующий день регент, проявляя детское упрямство, попросту не являлся на утреннюю аудиенцию. Фэн Бэйцэ частенько журил его за это, говоря, что муж с годами ведет себя все легкомысленнее, но Ань Шаоцинь лишь отмахивался.

— Ванье излишне скромн, — покачал головой старик. — Всем ведомо, что под мудрым правлением государя и принца-регента в стране Юй царит мир, а простой люд не знает нужды. Мой ученик Хуайшэн как раз заварил белый чай, что я привез со склонов горы Небесного Духа. Никакой другой сорт не сравнится с его чистотой. Не соблаговолите ли войти и разделить со мной пиалу?

— Раз уж вы так хвалите этот чай, отказаться было бы непростительной глупостью, — согласился Ань Шаоцинь.

Они обменялись вежливыми приглашающими жестами и вошли в комнату.

Едва переступив порог, супруги уловили дивный аромат. Он разительно отличался от тех благородных чаев, к которым они привыкли во дворце: легкий, струящийся, он дарил покой и оставлял на губах едва уловимый сладковатый привкус. Если даже один лишь запах исцелял душу, каков же окажется первый глоток?

Гости заняли места за столом. Хуайшэн почтительно разлил янтарный напиток по пиалам.

— Прошу вас, угощайтесь, — тихо произнес юноша и, поклонившись, вернулся к своему столу, вновь погрузившись в чтение трактата.

Ань Шаоцинь поднес пиалу к лицу и зажмурился, вдыхая пар. Сделав небольшой глоток, он неторопливо распробовал необычный настой. На вкус чай оказался на удивление освежающим — лучшее средство для изнывающего от летнего зноя тела. Сначала ощущалась едва заметная благородная горчинка, но стоило сделать глоток, как на корне языка разлилась чистая, родниковая сладость, а во рту еще долго держалось цветочное послевкусие.

— Действительно редкое сокровище, — похвалил принц-регент, бережно опуская пустую пиалу на стол. — Признаться, мне не доводилось пить ничего подобного. Чай с легендарной горы Небесного Духа поистине не знает равных.

— Это «Белый пион», собранный на рассвете, когда склоны горы еще укутаны густым туманом, — пояснил старец. — Его сушат исключительно на солнце, обходясь без огня. Если ванье пришелся по вкусу этот скромный дар, я с радостью преподнесу вам немного сухих листьев.

— В таком случае приму его с великой благодарностью, — кивнул Ань Шаоцинъ. — Позвольте узнать, как мне величать уважаемого лекаря?

Услышав этот вопрос, Фэн Бэйцэ поймал себя на мысли, что и сам до сих пор не спросил имени спасителя их сына — все эти дни его разум занимали лишь тревоги о здоровье Ань Цзыяня.

— Имя — лишь пустой звук. Прежнего своего имени старик уже и не упомнит, — мягко рассмеялся лекарь. — Однако люди зовут меня истинным владыкой Сюаньцинем.

В стране Юй титул истинного владыки носили лишь немногие. Это звание указывало на то, что человек обладает тайными знаниями, недоступными простым смертным. Такие мастера читали по звездам, предсказывали грядущее и владели искусством мистических построений.

Ань Шаоцинъ внимательно всмотрелся в приветливое лицо собеседника. Тот, кому под силу безраздельно владеть всей священной горой Небесного Духа и закрывать её от праздных зевак, явно не был заурядным целителем. Более того, Сюаньцин сумел поспорить с самим Владыкой преисподней. Ведь когда придворные лекари в один голос твердили, что Янь-эр не доживет до рассвета, этот старец совершил чудо и вернул юношу с того света. Принцу-регенту очень хотелось бы привлечь такого мастера к государственным делам, но он прекрасно понимал: подобные отшельники чужаются суеты бренного мира. Они ищут уединения в благословенных краях, посвящая себя самосовершенствованию, и никогда не покидают свои обители без крайней нужды.

Ань Шаоцинъ прежде встречался со знаменитыми даосами страны Юй — истинными владыками Мяои, Хуаншанем и Ции. Но имя Сюаньциня он слышал впервые. А среди лесных мудрецов неизвестными оставались либо безвестные глупцы, либо те, чье мастерство превосходило всякое воображение. Сюаньцин, вне всяких сомнений, принадлежал к числу вторых.

В стране Юй процветало даосское учение. Многие искали Бессмертия, мечтая повторить путь великого патриарха Чжана, вознесшегося на небеса. Даосские храмы пользовались куда большей славой, нежели буддийские обители. Буддисты стремились к очищению шести чувств и уходу от мирских треволнений, тогда как даосы изгоняли нечисть, гадали по звездам и помогали людям избегать невзгод. К несчастью, под личиной благочестивых монахов часто скрывались шарлатаны, обирающие доверчивую паству, а истинных подвижников, обладавших реальной силой, оставалось совсем мало.

— Истинный владыка Сюаньцин спас жизнь моему сыну, — негромко произнес Ань Шаоцин. — Какую награду вы желаете получить?

Регент догадывался, что запросы отшельника будут далеки от обычного золота и серебра. Вероятно, речь пойдет о вещах, которые под силу достать лишь императору или ему самому. В стране Юй авторитет Ань Шаоцина был непререкаем: в случае измены он имел право казнить без предварительного одобрения двора, лишь уведомив вдовствующую императрицу. Толпа мнила принца-регента простым подданным, стоящим ниже одного, но выше десятков тысяч, не ведая, что сам юный император трепетал перед ним.

— Торопиться некуда. Наследник еще слаб, — загадочно прищурился Сюаньцин. — Когда придет время, старик сам явится в ваше поместье за тем, что причитается.

Договорив, он одним глотком осушил свою пиалу.

— Истинный владыка, а сколько времени потребуется Янь-эру для полного выздоровления? — с тревогой спросил Фэн Бэйцэ.

— Всеу свой черед, — мягко ответил Сюаньцин. — Болезнь молодого господина пустила глубокие корни. Даже целебная сила горы Небесного Духа не сотворит чудо за один день. Но не тревожьтесь, полное исцеление неизбежно. Я понимаю вашу родительскую боль, однако в таких делах поспешность лишь вредит. Вы ждали столько лет, неужто не совладаете с нетерпением сейчас?

— Ваши слова полны мудрости, — согласился принц-регент. — Мы с супругом действительно проявили излишнее нетерпение. Вверяю сына вашему попечению.

— Об этом можете не беспокоиться, — Сюаньцин вновь наполнил их пиалы, и беседа потекла в непринужденном русле.

Старец поведал им о множестве чудес и диковин, о которых супруги прежде и не слыхивали. Слушая его рассказы, они лишь изумленно переглядывались. Постепенно разговор коснулся весьма деликатной темы — мужского деторождения.

— Как известно, дар вынашивать дитя среди мужчин дарован лишь роду Фэн, — неторопливо заговорил владыка Сюаньцин. — Древнее предание гласит, что некогда предки Фэн прогневали верховного владыку древности. В наказание мужчины этого клана обрели способность беременеть, а женщины ее лишились. Впрочем, далеко не каждый юноша из этого рода способен понести плод. За долгие века сменилось множество поколений; спасаясь от кровной мести и преследований властей, ветви клана дробились и меняли имена. Иногда муж из этого клана связывал жизнь с другим мужчиной — как это случилось у вас, ваше высочество, с принцем-регентом. Рожденные в таких союзах дети получают фамилию отца, как молодой наследник Ань. Ныне далеко не все мужчины этого рода способны подарить жизнь дитяти, да и сам этот дар уже не принадлежит им одним. Однако пошло все именно от вашей крови. Увы, таких людей с каждым веком становится все меньше, а женщин этой крови почти не осталось.

В семьях Фэн рождение девочки считали проклятием — неспособная родить наследника, она виделась лишь обузой. Бедняки часто топили новорожденных дочерей, и лишь в богатых домах их решались выхаживать. Страшная, горькая судьба для живых душ, чей земной путь прерывался из-за древнего изъяна...

Фэн Бэйцэ ничуть не смутился тем, что старец раскрыл их семейную тайну. Перед ними сидел мудрец, чьи познания превосходили человеческие пределы, но глубина его осведомленности о роде Фэн все же поражала.

— Не думал, что истинному владыке известны столь сокровенные тайны нашей крови, — тихо вздохнул Фэн Бэйцэ. — Дочери нашего рода и впрямь несчастны: обделенные родительской любовью, они влачат жалкое существование.

— Именно поэтому старик сейчас трудится над созданием особого снадобья, способного вернуть женщинам рода Фэн способность к материнству, — с теплой улыбкой проговорил Сюаньцин. — Работа близится к завершению, и вскоре пилюли увидят свет. Правда, это лекарство поможет лишь дочерям вашего клана, для прочих бесплодных женщин оно окажется бесполезным.

— Но разве такое вмешательство не станет вызовом воле Небес? — удивился Фэн Бэйцэ. — Ведь проклятие наложено самим верховным владыкой древности.

— Отнюдь, — покачал головой Сюаньцин. — Облегчить страдания живых душ — благодеяние, а не грех. Небеса не станут карать за милосердие.

"Пожалуй, только он способен так легко рассуждать о гневe древних богов", — с невольным восхищением подумал Фэн Бэйцэ.

<http://bllate.org/book/18341/1768465>